

Всероссийская олимпиада школьников по литературе

2024–2025 учебный год

Муниципальный этап

9 КЛАСС

Задание 1.

Выполните целостный анализ прозаического ИЛИ стихотворного произведения (ОДНОГО – на выбор).

Саша Черный (1880—1932)

САМОЕ СТРАШНОЕ

Конечно, «страшное» разное бывает. Акула за тобой в море погонится, еле успеешь доплыть до лодки, через борт плюхнуться... Или пойдешь в погреб за углем, уронишь совок в ящик, наклонишься за ним, а тебя крыса за палец цапнет. Благодарю покорно!..

Самое страшное, что со мной в жизни случилось, даже и страшным назвать трудно. Стряслось это среди бела дня, вокруг янтарный иней на кустах пушился, люди улыбались, ни акул, ни крыс не было... Однако до сих пор, — а уж не такой я и трус, — чуть вспомню, — по спине ртутная змейка побежит. Ужаснешься... и улыбнешься. Рассказать?

* * *

Был я тогда «приготовишкой», маленьким стриженным человеком. До сих пор карточка в столе цела: глаза черносливками, лицо серьезное, словно у обиженной девочки, мундирчик, как на карлике, морщится... Учился в белоцерковской гимназии. Кто же Белую Церковь не помнит:

Луна спокойно с высоты

Над Белой Церковью сияет...

Рядом с мужской гимназией помещалась женская. У мальчиков двор был для игр и прогулок, у девочек — сад. А между ними китайская стена, чтобы друг

другу не мешали.

Помню перед самыми рождественскими каникулами холод был детский: градусов всего пять-шесть. Выпустили нас, гимназистов, и верзил и маленьких на большой перемене во двор проветриться. В пальто, конечно, чтобы инфлюэнцы не схватить (тогда грипп инфлюэнцей называли).

Характер был у меня особенный. У маленьких собачонок нередко такая склонность замечается: ни за что с маленькими собаками играть не хотят, все за большими гоняются... Так и я. Крепость ли снежную шестой-седьмой класс в лоб берет, либо в лапту играют, — я все с ними. Визжать помогаю, мяч подаю, дела немало. Привыкли они ко мне, прочь не гнали. И прозвали «Колобок», потому что голова у меня была круглая, а шинель очень толстая, стеганая, вроде подушечки для втыкания булавок.

Увязался я и на этот раз за взрослыми. Мяч под небеса, я наперерез за мячом. Ловить, само собой, остерегаюсь, — литой черный мяч, руки обожжет. А так, если мимо всех рук хлопнется, летишь за ним чертом, галоши на ходу взлетают, — и подаешь кому надо. Опять на свое место станешь и ноги ромбом поставишь. Такая уж позиция была любимая: перед тем, как по мячу шестиклассник лопаткой ударит, его подручный мяч кверху подбрасывает. А ты за них волнуешься и на кривых ножницах, словно паяц на нитке, дергаешься.

И вот на мою беду, ребром по мячу попало, полетел он низко над головами косой галкой прямо в женский сад за стенку. Стенка ростом в полтора Созонта Яковлевича (надзиратель у нас такой был, вроде складной лестницы). Что делать?

На свое горе я сгоряча и вызвался. Приготовишки очень ведь к героическим поступкам склонны, во сне на тигра один на один с перочинным ножом ходят... А взрослые балбесы обрадовались. Подхватили меня под руки и, как самовар стационарный, к стенке поволокли. Один стал внизу, руками и головой в стену уперся, другой на него — вроде римской осадной колонны.

Подхватили меня, под некоторое место хлопнули — ух! — взлетел я на стенку, на руках по ту сторону повис... Снег мягкий, шинель толстая — ничего!

И полетел вниз в полной беспечности легким перышком на ватной подкладке.

* * *

Вылез я из сугроба, снегу наелся, по спине порция мороженого потекла. Руки и ноги целы. По полам себя хлопаю, снег отряхиваю, глаз не подымаю — некогда.

И вдруг из-за всех кустов, словно стадо поросят кипятком ошпарили, визг невообразимый... Справа девочки, слева девочки, сзади девочки... Тысячи девочек, миллионы девочек... Маленькие, средние, большие, самые большие.

А впереди краснощекая, толстая, ватрушка воинственная в капоре, надсаживается — кричит:

— Идите все сюда! Мальчик к нам в сад свалился!

Съежился я, как мышь в мышеловке. Стена за спиной до неба выросла. Предателей моих не видно, не слышно... Где моя любимая мужская гимназия? Куда удирать? Как я из этого осинового гнезда выдерусь?! Снег на моем затылке горячий-горячий стал. В ушах сердце, как паровая молотилка, бьется.

А девочки по всем правилам осады круг сомкнули, смолкли и смотрят. Синие глаза, серые глаза, карие глаза, голубые глаза — острые, ехидные по всей моей восьмилетней душе ползают... Колют, жалят, в один пестрый глаз сливаются. Они, девочки, храбрые, когда мальчик один!

И все ближе и ближе... Это тебе не тигр во сне. Не акула в море. Не крыса в погребе...

Тысяча губ раскрываются, перешептываются: шу-шу, шу-шу... Язычки, как жала, высовываются. И вдруг одна фыркнула, другая захлебнулась, третья по коленкам себя хлопнула, и как прыснут все, как покатаются... Воробьи с кустов так и брызнули. А я посередине — один, как мученик на костре.

Стянули они круг теснее. Еще теснее... Когда к дикарям в плен попадешь, всегда ведь так бывает: прежде чем пленника поджарить, отдают его женщинам — помучить... Господи, до чего мне страшно было! Может быть, они меня подбрасывать станут? Или защекочат, как русалки? Каждая в отдельности ничего,

но когда их тысячи, — мышей, например, — что они с епископом Гаттоном сделали?!

Но они ничего. Только еще ближе подобрались. Одна постарше наклонилась, фуражку мою подняла, боком на меня надела. Другая со щеки у меня снежок смахнула. Третья по голове погладила... Какая-то ехидна подскочила, еловую лапу над головой дернула, — всего меня снегом обкатила. Начинается!

Стою я пунцовый. И со страху в ярость приходиться начинаю. Мускулы под шинелью натянул. Как сталь! Что ж, думаю... погибать так с треском! Сто девочек на левую руку, сто на правую! Брыкаться-кусаться буду... И не выдержал, в позу стал и головой слегка вперед боднул.

А они опять как зальются. Словно весь сад битым стеклом посыпали.

И первая, ватрушка воинственная, вдруг сбоку нацелилась и рукой меня за нос... Чайник я ей с ручкой, что ли?! Обидно мне стало ужасно... Посмотрел вверх на гимназическую стену, фуражку козырьком на свое место передвинул и издал пронзительный крик.

— Шестой и седьмой класс! На помощь! Девчонки меня му-ча-ют!!!

Да разве их перекричишь... Такой смех поднялся, такой визг, такое улюлюканье, словно в аду, когда, помните, гоголевский запорожец с ведьмой в дурачки играл... Так бы я, быть может, и погиб...

Но на мое счастье, вижу издали, словно облако, седая дама плывет — в серой шубке, на голове серебристая парчовая шапочка. Подошла. Девчонки все сразу ангелами, божьими коровками стали. Расступились, шубки оправили... От реверансов снег задымился...

А я, маленький, врос в снежную грядку, стою посредине и дышу, как загнанный олень.

Посмотрела на меня дама в очки с ручкой, которые у нее на шее висели, мягко улыбнулась и спрашивает:

— Вы как сюда, дружок, попали?

Представьте себе — тишина кругом, словно на северном полюсе. Все смотрят, ждут, что я отвечать буду, а я совсем начисто с перепугу забыл, зачем я в сад

свалился. Будто я и не пригостишка, а «Капитанская дочка», и сама Екатерина Великая со мной разговаривает. И уши до того горят, что и сказать невозможно...

Взяла меня седая дама пальцем под подбородок, подняла мою замороженную голову и опять спрашивает:

— Как вас зовут?

Ну это я кое-как, слава Богу, вспомнил. Но от робости ни с того, ни с сего шепелявить стал:

— Шаша.

Опять вокруг ехидные девочки захихикали. Не громко, конечно, но все равно же обидно.

Дама на них строго оглянулась. Точно холодным ветром смешок сдуло. Только за спиной тихо-тихо (слух у пригостишки острый!) шипение слышу:

— Шашечка! Промокашечка... Таракашечка...

А даме, конечно, любопытно. Не аист же меня в женскую гимназию принес.

— Как же вы, Саша, все-таки в сад к нам попали?

И вдруг над стенкой шестиклассная голова в фуражке появляется и басит:

— Извините, пожалуйста, Анна Ивановна! Мяч у нас через стенку перелетел. Мы гимназистика этого в сад и перебросили.

Но дама его, как классный наставник, очень строго на место поставила:

— Стыдитесь! Большие — маленького подвели. Да и где он тут в снегах-сугробах мяч ваш найдет?

— Да он сам вызвался.

— Не возражать. Сейчас же пришлите кого-нибудь к нашей парадной двери, чтобы его в класс отвели. Слышите?

И шестиклассная голова сконфуженно нырнула за стенку.

— Вам тоже стыдно, медам! Разве так можно? Точно зайца на охоте обступили... Слава Богу, не все же здесь маленькие... Могли бы и умней поступить.

Тут уж девчонкина очередь пришла: покраснели многие, как клюковки. А одна гимназисточка, ростом с меня, тихонько мне руку сочувственно пожала.

Довела меня седая дама до калитки. Руку на плечо положила. Сразу мне легче стало...

Расшаркаться я даже не догадался, побежал к парадным дверям: да и время было, — колокольчик во всю глотку заливался... Кончилась, значит, большая перемена, — кончились и мои мучения...

На елку в женскую гимназию, как ни уговаривала меня няня, я не пошел.

— Почему?

— Не пойду.

— Да почему же?

— Не пойду, не пойду!

Няня только головой покачала:

— Фу, козел, упрямый... Уж попомни мои слова, сошлют тебя когда-нибудь в Симбирск.

Няня наша в географии плохо разбиралась, и что Сибирь, что Симбирск — для нее было все едино.

Так я дома и остался. А поздно-поздно старшая сестра-гимназистка с елки вернулась, целый ворох игрушек мне на постель вывалила.

И сказала таинственно:

— Они очень раскаиваются. Очень жалели, что ты, козявка, не пришел, и прислали тебе с елки подарки.

А я головой в подушку зарылся и в ответ только голой пяткой брыкнул.

1927

Примечания

Луна спокойно с высоты Над Белой Церковью сияет... — цитата из поэмы А.С. Пушкина «Полтава» (1828).

Епископ Гаттón — герой баллады Роберта Саути «God's Judgment on a Wicked Bishop». В России баллада известна по переводу В.А. Жуковского под названием «Суд Божий над епископом» (1831). Во время голода жадный епископ Гаттон обманом заманил досаждавших ему бедняков и попрошаек якобы на пир в сарай и сжег их там. Бог покарал Гаттона, наслав на его замок полчища мышей,

которые и загрызли его самого при попытке бегства.

Нонна Слепакова (1936—1998)

СОБАКИ И КОШКИ

(детские стихи для взрослых)

Я не люблю собак: загрызли, задушили —
Вдвоем на одного — любимого кота...
Лежал он, затвердев, и только блохи жили
И шевелили шерсть на кончике хвоста.

Я не люблю собак — их выучку, их рабью
Собачью преданность — вне зла и вне добра,
Эрделя куцый зад, боксера морду жабью,
Притворство и прицел в улыбке овчара.

Ведь ежели когда у нас любовь к животным
Дарована была из самых высших рук,
То разве к лошадям военно-благородным
И к псам сторожевым — на сигаретах «Друг».

Пес — точный инструмент охраны, гона, сыска,
Хоть в этом и нельзя винить самих собак,
Меж тем как замкнуто-подтянутая киска —
Житейской милоты, бестрепетности знак.

Люблю отдельную, хотя впритирку рядом,
Двойную жизнь кота, когда, уйдя в себя,
За мною он следит лишь уголочным взглядом,
Не доверяясь мне, но помня и любя.

Проходит время псов; их лай идет на коду.
Всё меньше про собак издательских листов,
Открыток и значков; а кошки входят в моду —

Попробуй попади на вернисаж котов!

Но если кошки вдруг на основанье этом
Надменно созовут избраннический сход

И псину нарекут плебеем и отпетым

Скотом, ничтожеством, поскольку он — не кот,

И вызовут, шипя, машину живодепов,

Чтобы на улицах переловить собак, —

Я кошек разлюблю без долгих разговоров,

И полюблю собак. Вот так и только так.

1988

Примечания

Идти на коду — завершаться. Кода (от итальянского *coda* — «хвост, конец, шлейф») — музыкальный термин, обозначающий заключительную часть произведения.

Задание 2.

Известный бренд молодежной одежды и аксессуаров *#ШьёшьВсОШ* пригласил Вас в качестве литературного консультанта в команду дизайнеров, разрабатывающих направление «Литература в моде!».

Перед Вами поставлена задача разработать яркую нетривиальную концепцию линии одежды/экипировки для участников заключительного этапа Олимпиады по литературе. Эскизы по Вашим идеям будут выполнять опытные художники, Вам же предстоит дать обоснование проекта и предложить конкретные решения.

Техническое задание предполагает наличие в проекте:

- литературно ориентированного названия линии одежды и аксессуаров;
- описания смыслового наполнения и стилового воплощения концепции;

- комментированного перечня предметов одежды и аксессуаров;
- подборки изображений и надписей/цитат для принтов.

Не увлекайтесь описанием визуальной части, сосредоточьтесь на обосновании литературной, смысловой составляющей каждого элемента. Базой проекта может послужить как отдельное произведение, так и творчество какого-либо автора или же общий стиль целого литературного направления/течения. Если же Вы знаток теории литературы — черпайте вдохновение и в терминологии.

И последнее. Заказчик высказал два пожелания:

- постарайтесь ориентироваться на отечественную литературу (от «Слова о полку Игореве» до новейшего романа Виктора Пелевина) — все-таки Ваши идеи должны быть поняты и оценены читающими по-русски;
- примерный объем текста — 250—300 слов.